

Страхов П. С. Антисоциалистическая религиозность [Рец. на:]
Булгаков С. Н. Два града: Исследование о природе общественных
идеалов. М., 1911. Т. 1–2 // Богословский вестник 1911. Т. 2. № 5.
С. 209–220 (3-я пагин.). (Окончание.)

Антисоциалистическая религиозность.

(По поводу книги С. Б. Булгакова: „Два града“).

(Окончаніе).

V.

Не малая доля надежд и симпатій отводится, въ современныхъ интеллигентскихъ религиозныхъ исканіяхъ, еще и „свободѣ“, въ чемъ, впрочемъ, нельзя не усмотрѣть дани моднымъ, „освободительнымъ“ вѣяніямъ. Нѣсколькими строками выше мы уже встрѣтились съ предположеніемъ, что даже „царствіе Божіе“ должно созидаться „путемъ свободной борьбы“.

Какъ же слѣдуетъ взглянуть на „свободу“ съ религиозной точки зрѣнія? Въ настоящее время подъ свободой, въ религиозномъ смыслѣ, чаще всего подразумѣвается такъ называемая „свобода совѣсти“, т.-е. полная свобода не только въ выборѣ вѣроисповѣданія, но и истолкованія самыхъ основныхъ догматовъ всякой религіи ¹⁾. Нужно-ли говорить о томъ, насколько всякая, болѣе или менѣе строгая, а особенно христіанская, религиозная дисциплина стоитъ поперекъ дороги анархическимъ тенденціямъ боевого социализма и мѣшаетъ его пропагандѣ? Поэтому вполне понятно социалистическое сочувствіе именно этой „свободѣ“, поддерживаемой, впрочемъ, очень часто и чистѣйшими идеалистами, витающими въ отвлеченныхъ сферахъ безплотнаго гуманизма.

¹⁾ См. предыдущую сноску. Вообще, благодаря корректурой ошибокъ послѣднія 6 сносокъ должны быть передвинуты впередъ на одну.

Другой родъ „свободы“ истолковывается еще и въ смыслѣ просто отказа отъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ общественныхъ обязанностей (напр. отъ воинской повинности), по несогласію ихъ съ евангельскими предписаніями. При этомъ забывается, впрочемъ, только одно,—что такимъ путемъ извѣстная общественная тяжесть, пока, просто лишь перекладывается съ своихъ плечъ на чужія, ни въ чемъ неповинныя.

Религіозный анархизмъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе неумѣренной „свободы совѣсти“, находитъ себѣ блестящее подтвержденіе въ безчисленныхъ сектахъ Америки, гдѣ уже скоро, кажется, отъ христіанства останутся лишь одни разрозненные атомы. Что же касается второго рода свободы, то не имѣя подъ собой твердаго основанія въ современномъ жизненномъ укладѣ, всѣ попытки въ такомъ направленіи не имѣютъ жизнѣности и быстро чахнутъ или вырождаются, примѣромъ чего можетъ служить толстовство и связанныя съ нимъ, кое какія секты.

О политической свободѣ я не говорю, такъ какъ она относится къ совершенно иной и пока еще совершенно чуждой религіи плоскости общественнаго устройства, вдохновляя социалистическую борьбу противъ религіи. Здѣсь религія можетъ занимать лишь оборонительную позицію, и всякія попытки компромиссовъ являются прямо уродливыми ¹⁾.

Къ какому-же роду „свободъ“ склоняется мысль религіозно настроенной группы интеллигенціи, представителемъ которой является Булгаковъ? Можно предугадать, что здѣсь всѣ симпатіи лежатъ на сторонѣ „свободы совѣсти“ и связаннаго съ ней, безпредѣльнаго произвола религіозной мысли. Произволь же этотъ, сдерживаемый, впрочемъ, у Булгакова уже указанной мною выше его благоразумной „церковностью“ (см. пред. сноску), широко опирается на модное ученіе современной психологіи о таинственной области „подсознательнаго“ (или, иначе, даже „безсознательнаго“), откуда выводится такъ называемый „религіозный опытъ“, считае-

¹⁾ Стоитъ лишь вспомнить невѣроятный вздоръ, получившійся въ результатъ поворота, подъ влияніемъ обстоятельствъ, къ политикѣ тѣхъ изъ нашихъ „богоискателей“, которые до того, не выходя изъ предѣловъ любимой апокалиптики, имѣли нѣкоторые и иногда даже большія эстетическія заслуги. Примѣромъ можетъ служить напр. сборникъ Мержековского „Большая Россія“.

мый, съ легкой руки В. Джемса, чуть ли не единственнымъ источникомъ религіозныхъ переживаній ¹⁾.

„Личность, опредѣляющаяся въ тайникахъ души и интимнѣйшихъ переживаніяхъ совѣсти“, пишетъ Булгаковъ, „есть все-же единственное творческое начало въ исторіи. Только здѣсь свобода и только свободѣ принадлежитъ творчество“ ²⁾. Свобода-же эта есть прежде всего свобода выбора одной изъ непримиримыхъ противоположностей жизни и дѣятельности „во имя Христа“, или „во имя свое“, выбора уже намѣченнаго словами Христа: „Я пришелъ во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придетъ во имя свое, его примете“ (Іоаннъ, V, 43). Пророчество это исполняется современнымъ социализмомъ. Но однако С. Н. Булгаковъ полагаетъ, что „Дуализмъ этотъ (т. е. „имя Христа“ и „имя свое“) не случайный и надуманный, но коренной, метафизическій, лежащій какъ въ основѣ всего мірозданія, такъ и въ основѣ человѣческой души. Источникъ этого дуализма *свобода*, въ которой наше высшее достоинство—образъ Божій“ ³⁾. Въ этомъ религіозномъ опредѣленіи свободы нельзя, впрочемъ, не увидать дани современности, загнипнотизированной образомъ какой-то идеалистической свободы, которая, здѣсь возносится даже до „образа Божія“, тогда какъ на дѣлѣ чаще всего сводится къ произволу и насилію сильнѣйшаго. Но есть и коррективъ къ этому, заключающійся въ „проблемѣ личности“, по отношенію къ которой, по словамъ Булгакова „Новѣйшая социальная наука, политическая экономія, государствованіе, есть только техника, на основаніи законовъ социальной жизни разрѣшающая поставляемая ей задачи, но не имѣющая самостоятельнаго идеала, который дается *религіознымъ отношеніемъ къ личности*“ ⁴⁾. Такимъ образомъ свобода сводится къ религіозному, и въ частности христіанскому идеалу, но къ сожалѣнію, какъ-то замалчивается, что истинно-христіанская свобода есть по существу начало *аскетическое*—это есть прежде всего свобода

¹⁾ См. мою статью: „Прагматизмъ въ наукѣ и религіи“ въ Богосл. Вѣстникѣ за 1910 годъ, №№.

²⁾ „Дв. гр.“, I, XX.

³⁾ „Дв. гр.“, I 67. Но не потому-ли Богъ абсолютно свободенъ, что всемогущъ и всесиленъ?

⁴⁾ „Дв. гр.“, I, 302, курсивъ мой.

человѣка, вполне и навсегда отрешагося отъ самого себя, стоящаго даже не выше „міра и страстей“, а просто побѣдившаго ихъ или отошедшаго отъ нихъ до полной къ нимъ безразличности. Это та высочайшая свобода, которая присуща тѣмъ, кто, по слову Христа (Лук. IX, 3), даже въ дорогѣ не долженъ имѣть ни посоха, ни сумы, ни хлѣба, ни серебра, ни двухъ одеждъ. Свобода того, кто не долженъ даже задумываться надъ тѣмъ, что отвѣчать или говорить, возлагая надежду на осѣненіе Духомъ Святымъ (Лук. XII, 11—12). Но вѣдь все это безконечно далеко отъ современнаго пониманія свободы отъ всякихъ узъ, но непремѣнно на фонѣ наивозможнаго земнаго благополучія. А главное—это прежде всего требуетъ глубокой и чистосердечной вѣры, единой низводящей Духа Святаго.

Какимъ-же образомъ достигъ примиренія такой христіанской свободы съ чисто мірскими, земными идеалами человѣческой жизни и дѣятельности? Для этого есть два пути, изъ которыхъ одинъ, впрочемъ, не выходитъ изъ предѣловъ прописной истины, но однако легъ въ основаніи всего ученія Л. Толстого и имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей—это путь личнаго совершенства и совершенствованія ¹⁾. Кто-же сомнѣвается, въ самомъ дѣлѣ, что если каждый изъ насъ будетъ прекраснымъ человѣкомъ, то земля обратится въ рай совершенно независимо отъ всякихъ внѣшнихъ социальныхъ и общественныхъ формъ? Но при кипучемъ разнообразіи человѣческихъ индивидуальностей, что же это, какъ не „утопизмъ, который призываетъ личнымъ подвигомъ побѣдить въ себѣ не только индивидуальныя, но и социальныя язвы, напр. (какъ у Толстого) достигнуть социально-праведной жизни опрощеніемъ, или-же, который „революціоннымъ“ (въ узкомъ и спеціальному смыслѣ) путемъ хочетъ сразу совершить прыжокъ изъ одной исторической эпохи въ другую“? ²⁾ А между тѣмъ, какъ меланхолически замѣчаетъ Булгаковъ: „Нельзя даже представить себѣ, какъ все измѣнилось-бы въ жизни, насколько иначе сложились-бы

¹⁾ Сюда-же примыкаютъ и англійскіе моралисты, вродѣ Карлейля, Рескина, Эмерсона и др., не пошедшіе, впрочемъ, дальше красивыхъ и величественныхъ образовъ чисто литературнаго склада.

²⁾ См. „Дв. гр.“, I, 223—224.

и протекли минувшія событія, какъ освѣтилось-бы и темное настоящее, если-бы мы сами стали другіе“... ¹⁾), т. е. напр., если-бы атеистическій нигилизмъ русской интеллигенціи отказался хотя-бы отъ тѣхъ „прививокъ дичку русской народной души“, при помощи которыхъ постепенно „раскрещивается“ Русь, крещенная когда-то Владиміромъ Святѣмъ ²⁾).

Кромѣ личнаго совершенства, какъ неоспоримой панацеи отъ всякихъ золъ, выдвигается еще и другой путь къ христіанской свободѣ, путь, по моему, единственный. Это путь проникновенія жизни религіознымъ и, въ частности, христіанскомъ настроеніемъ. Слѣдующими прекрасными словами рисуетъ Булгаковъ ту идеальную картину, что открывается духовному оку человѣка, которымъ въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, всецѣло овладѣло религіозное настроеніе и притомъ не мимолетно, а властно и непоколебимо: „Если вѣровать въ Небеснаго Отца, святая и премудрая воля Котораго царитъ въ мірѣ, то жизнь и міръ должны представляться намъ раскрытіемъ этой попечительной воли. И проникновеніе этой вѣрой должно вселять въ душу необыкновенное спокойствіе и отсутствіе мірскихъ тревогъ, и только одна забота должна наполнять всю жизнь, брать въ распоряженіе всю душу,—забота творить волю Отца, всегда и во всемъ искать „прежде всего“ Царствія Божія, при которомъ „прилагается“ все прочее. При такомъ, чисто религіозномъ отношеніи къ міру, все теряетъ свою непроницаемость, освобождается отъ тяжелаго, мертвящаго покрыва желѣзной необходимости, живетъ въ непосредственномъ общеніи съ Небеснымъ Отцомъ“ ³⁾).

Въ этихъ словахъ резюмируется, въ сущности, и весь смыслъ призыва отъ обожествленія человѣка къ Богу, отъ человѣкобога къ Богочеловѣку, отъ атеистическаго социализма къ христіанству; тотъ призывъ, что проходитъ красной нитью во всѣхъ статьяхъ С. Н. Булгакова и представляетъ главную и основную ихъ цѣнность. Именно на этой почвѣ, въ этой атмосферѣ, должны работать неустанно всѣ тѣ, кому дороги интересы человѣчества, но еще дороже

¹⁾ „Дв. гр.“, II, 158.

²⁾ См. *Ibid.*, 160.

³⁾ „Дв. гр.“, I, 208.

Тотъ, Кто одинъ только, Своею небесною благодатью, можетъ помочь намъ разобраться въ сложномъ клубкѣ страстей, ненависти и зла, побѣждая ихъ силою Христова благовѣствованія. Лишь здѣсь мы найдемъ и примиреніе христіанскаго аскетизма (въ самомъ широкомъ смыслѣ) съ дѣйствительною жизнью, требующею неустаннаго мірскаго дѣланія, мірскаго борьбы со зломъ. Лишь такъ настроенному человѣку не страшны всѣ соблазны міра, ибо не они владѣютъ имъ, а онъ ими, согласно слову Апостола: „Все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною (I Кор., VI, 12).

Тогда сами собою отпадутъ обычные нападки на христіанство за его, якобы монашескіе идеалы, отускляющіе и обезцвѣчивающіе жизнь. Истинная, христіанская свобода возсіяетъ тогда, и это будетъ не только свобода великаго Нѣтъ, но и величайшаго Да, которое уже перестанетъ считаться дьявольскимъ искушеніемъ, такъ какъ сила діавола, сломленная Христомъ, отнынѣ будетъ лишь пассивнымъ сопротивленіемъ созиданію Царства Божія на землѣ.

Могучимъ факторомъ христіанской настроенности является, конечно, субъективная духовная организація каждаго изъ насъ, и здѣсь то вотъ, быть можетъ, съ особенною силой проявляетъ себя та таинственная сторона человѣческаго духа, которую современная психологія спѣшитъ спрятать въ область „подсознательнаго“. „Всякая серьезная и подлинная религіозность“, справедливо замѣчаетъ Булгаковъ, „непремѣнно предполагаетъ своеобразную исключительность, моноидеизмъ, который сторонніе наблюдатели зовутъ „односторонностью“¹⁾. „Односторонность“ же эта проистекаетъ не изъ чего иного, какъ именно изъ внутренняго религіознаго опыта, изъ его интимнѣйшихъ переживаній, являющихся основой всякой религіозности. Человѣку, которому удалось пережить или переживать акты религіознаго опыта, весь міръ представляется уже инымъ, преображеннымъ, освѣщеннымъ особымъ, новымъ свѣтомъ, а въ душѣ возгорится неизъяснимая духовная радость. Именно такой радостью были проникнуты первохристіане, еще ярко освѣщенные столь недалекимъ отъ нихъ свѣтомъ Христова Воскресенія²⁾,

¹⁾ „Дв. гр.“, I, 151.

²⁾ Мнѣ, къ сожалѣнію не позволяетъ мѣсто выписать цѣликомъ ту поистинѣ превосходную страницу, которую посвящаетъ С. Н. Булгаковъ

и ея же, съ незапамятныхъ временъ, самыми разнообразными и часто уродливыми и нечестивыми путями домогаются мистики всѣхъ странъ и народовъ. Эти, захватывающія духъ, экстагическія переживанія составляютъ глубочайшій нервъ всякой религіи. Но лишь одному христіанству суждено было облечь всѣ эти безпорядочныя мистическія исканія въ святія одежды таинствъ Церкви, возросшей изъ благовѣствованія Единороднаго. Этимъ мистическимъ актомъ міровой исторіи таинственные истоки внутренняго опыта были введены въ русло истиннаго религіознаго дѣйствія. На смѣну Плотина, Порфирія и уже христіанина — Монтана пришли и стали великіе христіанскіе подвижники, въ краткія души которыхъ, какъ къ преподобному Сергію, стали слетать, въ лучѣ небснаго свѣта, бѣлыя мистическія птицы благодати.

Мы, въ нашу темную и озвѣрѣвающую эпоху, конечно, черезчуръ далеки отъ такихъ переживаній, но мы сознательно и бессознательно тянемся къ нимъ, зовемъ и ищемъ и лишь въ этомъ смыслѣ только и можно понять *христіанское* „богоискательство“. Но дается это лишь чистымъ сердцамъ, простой безхитростной вѣрѣ, по благодати Христа, которую вопреки современнымъ тенденціямъ, можно заслужить лишь совмѣстнымъ соблюденіемъ обѣихъ заповѣдей Христовыхъ, не забывая, что все-таки, по слову самого Христа, *первой и главной* изъ нихъ является завѣтъ: „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всѣмъ разумніемъ твоимъ“ (Мѣ. XXII, 37).

Но однако „религіозной опытъ“, если взять его самостоятельно, внѣ освящающаго его христіанства и вспомогающей благодати Христовой ¹⁾, тотчасъ же переходитъ въ многообразныя формы личнаго произвола и является однимъ изъ путей къ полнѣйшей религіозной анархіи. Не даромъ же и

первохристіанской радости („Дв. гр.“, I, 286—287)—это рѣдкое по горячему чувству и искренности изліаніе религіозно-настроенной души. Да и вообще очеркъ „О первохристіанствѣ“ можно считать наиболѣе цѣпнымъ изъ всего сборника. (Напечатанъ въ Русской Мысли“ за 1909 г., VI—VII).

¹⁾ Даже нынѣ, нехристіанскія религіи, содержа въ себѣ крупныя единой истинны, налагающія на религіозный опытъ свои ограничивающія рамки, удерживаютъ его отъ анархическихъ формъ.

наиболѣе искусные противники христіанства, вродѣ Фейербаха, прежде всего стремятся даже не къ прямому упраздненію религіи, что было бы слишкомъ трудно, но сперва къ ея „очеловѣченію“, путемъ сведенія ея съ неба на землю и „растворенія въ стихійной силѣ чувства“¹⁾. На томъ же религіозномъ опытѣ основывается и мистическій пантеизмъ морализаторовъ христіанства, стремящихся затѣнить первую заповѣдь Христа—второй. Таково чувство пантеистическаго благоговѣнія Карлейля, Толстого и другихъ создателей „блѣдныхъ этическихъ ученій, мало чѣмъ отличающихся отъ буддизма, отъ конфуціанства, даже отъ ислама, если ихъ также принимать только съ этической, а не метафизической стороны“²⁾.

Но едва-ли можно согласиться и съ С. Н. Булгаковымъ, полагающимъ, что истину, о Богочеловѣчествѣ Христа можетъ раскрыть только личный религіозный опытъ³⁾. Нѣтъ, эту истину прежде всего открываетъ намъ *вѣра* въ Христа, которая не вытекаетъ изъ религіознаго опыта, а его обусловливаетъ и затѣмъ имъ поддерживается. Источникомъ же такой вѣры для насъ, христіанъ, являются лишь священное Писаніе и Преданіе при таинственномъ содѣйствіи благодати, преподаваемой намъ чрезъ таинства христіанской Церкви. Конечно, въ первый, золотой вѣкъ христіанства, немногіе еще тогда вѣрующіе болѣе чѣмъ вѣровали, у нихъ было ясное до очевидности *знаніе* (*γνώσις*), уже утерянныхъ для насъ, первохристіанскихъ тайнъ жизни, смерти и воскресенія⁴⁾. У насъ уже нѣтъ этого знанія, мы можемъ лишь *взрывать*, и лишь вѣра можетъ вызвать и урегулировать въ насъ таинственныя проявленія внутренняго религіознаго опыта, направляя его къ воспріятію дѣйствительной благодати, а не къ призрачнымъ навожденіямъ разнузданнаго

1) „Дв. гр.“, I; 11.

2) *Ibid.*, 125.

3) *Ibid.*, 237.

4) Многочисленные намеки на такое „знаніе“ встрѣчаются не только въ Евангеліи (напр. Мѣ., XIII, II) и у ап. Павла (напр. во II главѣ перваго посл. къ Коринѳянамъ), но и у отцовъ Церкви (у свв. Иринея, Климента А., Василія В. и др.). Довольно любопытныя соображенія по этому поводу высказываетъ, между прочимъ, г. Хлудовъ въ своей статьѣ: „Чему училъ Іисусъ Христосъ“ (Нов. Путѣ, 1904).

или больного чувства. И если и правъ С. Н. Булгаковъ, говоря что „Въ зернѣ своемъ религія есть не теорія, а жизнь, переживание божественнаго, религіозный опытъ“¹⁾, то лишь при условіи, что для насъ, христіанъ, этотъ опытъ вырастаетъ на нивѣ Христовой вѣры, при благодатномъ содѣйствіи таинствъ Его Церкви. Внѣ этого, тотъ же опытъ приводитъ къ самымъ противорѣчивымъ крайностямъ, начиная съ сектантскаго изуверства и кончая самыми мрачными экстазами одержимости и сатанизма.

Итакъ да будетъ все больше и больше проникаться чело-вѣчество христіанскимъ настроеніемъ, къ которому теперь, пока, еще вполне безсильны призвать его горячіе, но разрозненные и одинокіе голоса. Пока даже это настроеніе какъ будто все больше и больше идетъ на убыль, подъ натискомъ временно торжествующаго зла. Но будемъ увѣрены въ побѣдѣ Христа, неустанно и смѣло возжигая въ доступныхъ намъ сердцахъ эту настроенность, но не блуждающимъ огнемъ индивидуальныхъ, мимолетныхъ и капризныхъ переживаній, а пламенемъ вѣры. Только это спасетъ міръ.

Подводя итогъ всему сказанному, приходится признать, что антисоціалистическое теченіе интеллигентской религіозности, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ сборникѣ Булгакова, при всей симпатичности его руководящихъ идей, все таки не можетъ быть признано, пока, надежнымъ другомъ и союзникомъ религіи, и особенно православной, христіанской Церкви. Причина этого прежде всего въ крайней туманности и смутности набрасываемыхъ здѣсь контуровъ воплощенія этихъ идей въ „богочеловѣчествѣ“, „соборности“, „новомъ религіозномъ сознаніи“, тогда какъ христіанство очевидно вступаетъ въ періодъ активной дѣятельности и борьбы, а потому особенно нуждается не въ мистическихъ построеніяхъ философствующаго разума, или возбужденнаго чувства, а въ твердыхъ и ясныхъ программахъ измѣненія, приспособленія и улучшенія самыхъ разнообразныхъ формъ церковно-общественной жизни. Мистическая настроенность, неясность и блужданія въ сферѣ религіозныхъ убѣжденій, эсхатологическія мечты—все это можетъ быть очень интереснымъ для будущаго изслѣдователя пере-

¹⁾ „Дв. гр.“, I, 299.

живаемаго нами историческаго момента, но прямой пользы въ смыслѣ хотя-бы первыхъ практическихъ шаговъ по пути осуществленія истинно христіанскаго Царства Божія на землѣ здѣсь нѣтъ совсѣмъ. Въ этомъ отношеніи наше „богоискательство“ далеко отстаетъ даже отъ чисто простонародныхъ религіозныхъ теченій, вродѣ темнаго и нелѣпаго „братчества“, не говоря уже о рационалистическомъ сектанствѣ или попыткахъ, вродѣ Неплюевского братства. И это тѣмъ болѣе жаль оттого, что именно къ статьямъ, рѣчамъ и даже поэтическимъ фантазіямъ „богоискательства“ такъ охотно прослушивается современная, быстро воспитывающаяся и воспримчивая молодежь—залогъ будущаго Россіи.

Впрочемъ о реальной христіанской Церкви и особенно о Церкви православной, здѣсь, повидимому, и не думаютъ, а для послѣдней, изъ за ея пресловутой „казенности“, изъ за ея тѣсной, органической связи съ русской государственностью, лишь находятъ слова порицанія. На прѣтяженіи шестисотъ страницъ книги С. Н. Булгакова, о православіи, какъ дѣйственномъ факторѣ русской національности, въ прямомъ смыслѣ не говорится почти ничего, если не считать того, что автору (бывшему члену второй Государственной Думы) почудились даже въ бурныхъ рѣчахъ атеистическаго лѣваго блока „отзвуки психологіи православія, вдругъ обнаружилось вліяніе его духовной прививки“ ¹⁾. Мудрено-ли, послѣ этого, если самые насущные вопросы современной дѣйствительности, сколько нибудь соприкасающіеся съ православной религіей, затрагиваются лишь вскользь и часто получаютъ странное освѣщеніе. Такъ напр. о еврействѣ, этой, по мнѣнію Булгакова, „оси міровой исторіи“ утверждается, что „Историческія и духовныя судьбы еврейства связаны съ отношеніемъ іудаизма къ христіанству“ и, что будто-бы „Міровая роль еврейства въ исторіи капитализма, есть лишь эмпирическая оболочка своеобразной религіозной психологіи еврейства“ ²⁾. И это теперь, когда именно современное воинствующее еврейство является передовымъ и самымъ

¹⁾ „Дв. гр.“, II, 182. Впрочемъ такую иллюзію и самъ авторъ признаетъ не лишеною странности.

²⁾ Дв. гр.“, I, 96.

дѣятельнымъ борцомъ какъ разъ не за что иное, какъ за чисто атеистическія начала! ¹⁾

Относительно старообрядчества, авторъ находитъ интереснымъ лишь „исслѣдованіе изъ исторіи русской промышленности, въ связи съ духовными біографіями и всей бытовой обстановкой русскихъ піонеровъ-предпринимателей, причемъ могли-бы быть открыты религіозно-этическія основы психологіи русской промышленности (!), благодаря тѣсной связи русскаго капитализма со старообрядчествомъ“ ²⁾. Но въдь такимъ-же образомъ, въ настоящую эпоху, можно было - бы прослѣдить связь нашего старообрядчества пожалуй и еще со многимъ другимъ отъ „голгоѣскаго“ христіанства до воздухоплаванія включительно.

Но при всемъ этомъ, при всей дани, которую отдаетъ и С. Н. Булгаковъ уже выработавшейся „богоскательской“ фразистости и какой-то истеричности эсхатологическихъ порывовъ къ „грядущему граду“ (впрочемъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ у другихъ его единомышленниковъ), за нимъ все таки остается большая заслуга горячаго призыва отъ мертвящей, стадной и атеистической морали социализма, отъ обезумѣвшаго человѣкобожества къ религіи и Христу. Разными путями, подъ часъ сбивчиво и противорѣчиво, но искренно и правдиво зоветъ авторъ къ проникновенію жизни тѣмъ религіознымъ настроеніемъ, которымъ, повидимому, горитъ его душа. Въ этомъ-же настроеніи, какъ я уже говорилъ, и не устану повторять, и только въ немъ одномъ,

¹⁾ Въдь совершенно же ясно, что не еврейскіе раввины, а евреи Ласаль и Марксъ, обуславливаютъ современную дѣйствительность въ сферѣ атеистическаго социализма. И особенно знаменательно, что они же оказываются и яркими врагами своей національности именно на почвѣ отрицанія еврейской религіи, что явствуетъ очень выпукло изъ выдержки изъ Маркса, приводимой на стр. 95 I тома „Двухъ градувъ“. И это вовсе не есть „психологическая загадка“, какъ кажется автору, а постоянно и неизмѣнно наблюдаемый фактъ, такъ какъ едва ли какая либо интеллигенція столь атеистична и арелигіозна, какъ интеллигенція еврейская.

²⁾ „Дв. гр.“ I, 198. Вообще, замѣчу кстати, что апологія богатства и капитализма развиваемая авторомъ на стр. 227—231 того-же тома, звучитъ довольно натянуто, строясь на той мысли, что „носители богатства“, не будучи въ состояніи въ одиночку выпрыгнуть изъ своей социальной эпохи сразу въ царство социализма, должны нести хотя-бы какъ бремя (!) свою „собственность“, но нести ее добросовѣстно и честно“ (стр. 230).

можно увидеть надежду на созданіе хоть когда вѣдудь истинно челоѡческаго и просвѣтляющаго жизнь культурнаго прогресса. Много чувствуется въ С. Н. Булгаковѣ любви къ Христу и Его святому дѣлу, по свинцовой тяжести налегають непреодолимые интеллигентскіе навыки, препятствующіе признать ясно, просто и открыто главную и центральную истину: что если Христосъ пришелъ и мы въ Него дѣйствительно вѣруемъ, то не нужно намъ никакое „богоисканіе“—нужны лишь пути и способы проведенія въ жизнь Его правды и Его мистической истины, раскрытіе ея въ догматическихъ толкованіяхъ Его Церкви. И если можетъ идти рѣчь для истиннаго христіанина о какомъ-либо „новомъ религіозномъ сознаніи“, то лишь въ смыслѣ болѣе глубокаго и жизненнаго „осознанія“ еще и до сихъ поръ плохо осознаннхъ, тысячелѣтнихъ тайнъ христіанства.

Взыскую-же „грядущаго града“ не будемъ позабывать, что для этого Апостоль прежде всего совѣтуетъ „Приносить Богу жертву хвалы, то-есть плодъ устъ, прославляющихъ имя Его“. Плодъ-же этотъ да будетъ лишень всякаго многословія и вычурности. Близко то время, когда каждое слово правды Христовой будетъ „молитвой сердца“. „Молясь же не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они думаютъ, что въ многословіи будутъ услышаны. Не уподобляйтесь имъ“—говоритъ Господь.

И. Страховъ.

24/II 1911.
